

Кочевники, мир-империи и социальная эволюция*

Николай Николаевич Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии
Дальнего Востока, Владивосток*

ВВЕДЕНИЕ

Кочевники сыграли важную роль в истории человечества. Они способствовали освоению ойкумены, распространению различного рода инноваций, внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры, в этническую историю народов Старого Света. Однако, обладая огромным военным потенциалом, номады оказали также существенное деструктивное влияние на исторический процесс, в результате их разрушительных нашествий были уничтожены многие культурные ценности, народы и цивилизации.

Наиболее яркий след в истории оставили так называемые «кочевые империи» – самые крупные политические образования номадов, объединявшие на непродолжительное время гигантские территории и приводившие в ужас более высокоразвитых соседей-земледельцев. Чем объяснить их стремительное возникновение, превращение в мировые державы, перед которыми трепетали королевские дворы государств Запада и Востока, и столь же стремительное их исчезновение с политической арены доиндустриальной эпохи?

ЧТО ТАКОЕ «КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ»?

Само слово «империя» обозначает такую форму государственности, которой присущи два главных признака: 1) большие территории и 2) наличие зависимых или колониальных владений. Р. Тапар со ссылкой на труды С. Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из «метрополии» (ядра империи) – высокоразвитого экспансионистского государства – и территории, на которую распространяется ее влияние («периферии»). Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем империи автор выделила «раннюю» и «позднюю» империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и

Крадин Н. Н. / Кочевники, мир-империи и социальная эволюция, с. 490–511

периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Римскую державу, Инкское государство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия (Eisenstadt 1963: 6–22, 61ff; Thapar 1981: 410ff).

Одним из вариантов «ранней» империи следует считать «варварскую империю». Принципиальное отличие последней заключалось в том, что ее «метрополия» являлась «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как в социально-экономическом развитии она отставала от эксплуатируемых или завоеванных территорий и по существу сама являлась «периферией» и «провинцией». Все империи, основанные кочевниками, были варварскими. Однако не все варварские империи основывались кочевниками. Поэтому «кочевую» империю следует выделять как вариант варварской. В таком случае кочевую империю можно дефинировать как

кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые скотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т. д.).

Можно выделить следующие признаки «кочевых империй»:

- 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;
- 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи;
- 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;
- 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры;
- 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай);
- 6) особый характер отношений с земледельческим миром (Крадин 1992; 1996).

Необходимо также отличать классические кочевые империи от

- 1) подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента (Арабский халифат, государство сельджуков, Дунайская Болгария, Османская империя) и
- 2) более мелких, чем империи, «квазиимперских» кочевнических государствоподобных образований (касситы, гиксосы, европейские гун-

ны, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды).

Выделяются три модели кочевых империй: 1) **типичные** империи – кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством *дистанционной* эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в сущности, рэкет, неэквивалентная торговля) и т. д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, Первое Скифское царство и пр.); 2) **дан-нические** империи – земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации – *данничество* (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и пр.); 3) **завоевательные** империи – номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и пр.). На смену грабёжам и данничеству приходит регулярное *налогообложение* земледельцев и горожан (Крадин 1992: 166–78).

Структурно *даннические* кочевые империи были промежуточной моделью между *типичными* и *завоевательными* кочевыми империями. От *типичных* империй их отличали: 1) более регулярный характер эксплуатации (вместо эпизодических грабёжей, вымогаемых «подарков» и т. д. – данничество); 2) как следствие этого – урбанизация и частичная седентеризация в степи; 3) усиление антагонизма среди кочевников и, возможно, трансформация «метрополии» степной империи из составного чифдома в раннее государство; 4) формирование бюрократического аппарата для управления завоеванными земледельческими обществами.

Завоевательные империи от *даннических* кочевых империй отличались: 1) более тесным симбиозом экономических, социальных и культурных связей между номадами и подчиненными земледельцами в *завоевательных* империях номадов; 2) в *даннических* империях простые скотоводы были опорой власти, тогда как в *завоевательных* империях кочевая аристократия осуществляла политику разоружения, седентеризации и ослабления вооруженных скотоводов; 3) для *завоевательных* империй характерно не взимание дани, а регулярное налогообложение земледельцев. Последняя модель представляет собой не столько кочевую империю, сколько уже оседло-земледельческую, но с преобладанием в политической сфере и в военной организации кочевников-скотоводов.

ОТ ПЛЕМЕНИ К СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ

Наверное, самый интригующий вопрос истории Великой степи – причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Их можно свести к следующим мнениям: 1) разно-образные глобальные климатические изменения [усыхание, по А. Тойнби

(Toynbee 1934) и Г. Грумм-Гржимайло (1926), увлажнение, по Л. Н. Гумилеву (1993: 237–340 и др.); 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость дополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых соседей торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продавать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы [«пассионарность», по Л. Н. Гумилеву (1989)].

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй (Динесман и др. 1989: 204–254; Иванов, Васильев 1995: табл. 24, 25). Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников (Толыбеков 1971; Марков 1976; Khazanov 1984; Крадин 1992 и др.). Не совсем ясна роль демографического фактора, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения, приводя при этом к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, конечно, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Мне кажется, что необходимо учитывать следующие важные факторы:

1) Этноисторические исследования современных пастушеских народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная кочевая экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Следовательно, можно согласиться с мнениями тех исследователей, которые полагают, что потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников (Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

2) Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торго-

вать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества; номады восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствовидные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя» (Grousset 1939; Lattimore 1940; Barfield 1981; 1992; Khazanov 1984; Фурсов 1988; 1995; Крадин 1992; 1996; Голден 1993 и др.).

3) Имперская и «квазиимперская» организация у номадов Евразии развивалась только в эпоху «осевого времени» (Ясперс 1991), с середины I тыс. до н. э., когда создаются могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя на Западе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, поволжские степи, Халха-Монголия и т. д.), и, во-вторых, номады были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

4) Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих «мир-империй» степной «полупериферии». Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге (Barfield 1992).

5) Кроме этих генеральных закономерностей, важную роль играли другие факторы (экология, климат, политическая ситуация, личные качества политических лидеров и даже везение), которые определяли ход исторического развития в каждом конкретном случае.

Можно выделить четыре варианта образования степных держав. Первый вариант представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного номадного этноса в централизованную империю. Как правило, данный процесс был обусловлен появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство (Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Абаоцзи у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель дол-

жен был организовать поступление прибавочного продукта извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Так как наиболее часто данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана, его можно называть *монгольским*.

Второй вариант был связан с образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центростремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергало своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков, чжурчжэней (с долей условности, поскольку они не совсем кочевники) и киданей. Условимся называть данный вариант *тюркским*.

Третий вариант был связан с миграцией номадов и с последующим подчинением ими земледельцев. В литературе сложилось мнение, что это был типичный путь возникновения кочевых империй. Однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями (кидани, чжурчжэни, монголы). Классическим примером такого варианта становления кочевых (точнее, теперь «полукочевых» или даже земледельческо-скотоводческих) империй явилось образование государства Тоба Вэй. В то же время чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» государствовподобных образований кочевников [аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV–VI вв. в Северном Китае («эпоха 16 государств пяти варварских племен»), каракидани в Восточном Туркестане]. Этот вариант условимся называть *гуннским*.

Наконец, существовал последний, четвертый, относительно мирный вариант. Он был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных «мировых» империй номадов – тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточно-тюркский и западно-тюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли Хазарский каганат и другие «квазиимперские» образования номадов). Во втором случае империя Чингисхана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай). Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько независимых друг от друга ханств. Этот вариант можно называть, например, *хазарским*.

СТРУКТУРА КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ

Кочевые империи были организованы в форме «имперских конфедераций» (Barfield 1981; 1992). Эти конфедерации имели автократический и государствовподобный вид снаружи (они были созданы для по-

лучения прибавочного продукта извне степи), но оставались коллективистскими и племенными внутри. Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых обществ. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью, правитель кочевника имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование империи, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Вожди племен, входивших в степную империю, были инкорпорированы в военную иерархию «сотен» и «тысяч», однако их внутренняя политика была в известной степени независимой от политики центра. Эта особенность была хорошо проанализирована Т. Барфилдом на примере империи Хунну (Barfield 1981, 1992: 32–84; см. также: Крадин 1996). Некоторая автономность скотоводческих племен может быть объяснена следующими обстоятельствами: 1) хозяйственная самостоятельность делала их потенциально независимыми от центра; 2) главные источники власти (грабительские войны, перераспределение дани и других внешних субсидий, внешняя торговля) являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; 3) всеобщее вооружение ограничивало возможности политического давления на племена; 4) перед недовольными политикой хана племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства под покровительство земледельческой цивилизации или восстания с целью свержения неугодного правителя.

По этой причине политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в «имперской конфедерации» обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племена, служили институты престижной экономики. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого хана». Одновременно он связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая «подарки», мог-

ли, с одной стороны, удовлетворять личные аппетиты и, с другой стороны, повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, племенной вождь как бы приобретал от него часть сверхъестественной харизмы, что дополнительно способствовало увеличению его собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. В частности, они многократно упомянуты в «*Джами ат-Таварих*» Рашид ад-Дина и в сочинениях европейских путешественников, посетивших метрополию Монгольской империи.

«Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус» (Рашид ад-Дин 1952б, кн. 2: 90).

Однако массовыми раздачами занимался не только Чингисхан (Рашид ад-Дин 1952б: 233), но и его ближайшие потомки, правившие империей до ее распада на независимые улусы: Угэдей (Рашид ад-Дин 1960: 19, 41), Гуюк (там же: 119, 121; Плано Карпини 1957: 77), Мункэ (Рубрук 1957: 146; Рашид ад-Дин 1960: 142), а также Хулагуиды (Рашид ад-Дин 1946: 67, 100, 190, 215–7).

Можно предположить, что интеграция племен в имперскую конфедерацию осуществлялась не только посредством символического обмена, даров между вождями различных рангов и ханом. Эту же цель преследовали включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, разнообразные коллективные мероприятия и церемонии (сезонные съезды вождей и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и т. д.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов, правитель степного общества (шаньей, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение. Поэтому в случае природного стресса или болезни и гибели скота неудачливый хан мог ослабить или утратить свою харизму. Неудачливого хана или вождя могли заменить, а то и просто убить. Но идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их преодолении. В целом власть правителей степных империй Евразии основывалась, главным образом, на внешних источниках.

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ МИР

Для реализации своих замыслов кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменить одна другую:

1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению к России и др.); 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком; 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране); 4) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (хунну, тюрки, уйгуры и пр.).

Как правило, на протяжении длительного периода кочевники могли использовать несколько разных стратегий. Так, во взаимоотношениях между Хуннской державой и династией Хань можно выделить четыре этапа: на первом этапе (200–133 гг. до н. э.) хуннский шаньюй после опустошительного набега, как правило, направлял послов в Китай с предложением заключения мирного договора. После получения даров набеги на какое-то время прекращались. Через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми номадами добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения их интересов. В силу того, что китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюй был вынужден «выпускать пар» и отдавать приказ к возобновлению набегов. Второй этап (129–58 гг. до н. э.) – это, главным образом, время активных войн ханьцев с кочевниками. На третьем этапе (56 г. до – 9 г. н. э.) часть хунну под предводительством шаньюя Хуханье приняла официальный вассалитет от Хань. За это император обеспечивал свое небесное покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. Понятно, что «дань» вассала имела только идеологическое значение. Однако ответные «благодарительные» дары были даже намного больше, чем ранее. Кроме того, по мере необходимости шаньюй получал от Китая земледельческие продукты для поддержки своих подданных. Четвертый, последний этап (9–48 гг.) отношений между Хань и имперской конфедерацией хунну по содержанию схож с первым этапом. Отличие заключается в большей агрессивности номадов, что, возможно, было опосредовано кризисом Китая, ослаблением охраны границ, невозможностью посылать, как прежде, богатые подарки в Халху (Крадин 1996: 49–68).

Особенный интерес вызывает стратегия вымогательства на расстоянии. Существует соблазн называть ее данью. Однако *дистанционная эксплуатация* и *данничество* – это разные явления. Данничество

предполагает политическую зависимость данников от взимателей дани (Першиц 1976: 290–3). Китай никогда не был завоеван хуннами и политически от них не зависел. Китайцев было в несколько десятков раз больше, чем номадов. Они обладали более мощной экономической базой. В то же время «дистанционную эксплуатацию» нельзя отождествлять с «контрибуцией», поскольку последняя имеет разовый характер, в отличие от циклически повторяющейся пограничной политики кочевников.

Источники позволяют подробно рассматривать «дистанционную эксплуатацию» кочевников начиная с хуннского времени. Однако это не означает, что она не использовалась ранее и была забыта впоследствии. Например, Страбон (IX,8,3) описывает чрезвычайно похожую ситуацию применительно к кочевникам «скифо-сакского» мира (правда, видимо, не поняв до конца суть дела):

«Эти племена [которые подвергались набегам] согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем примираются с ними».

Придя в Европу, гунны практически воспроизвели старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «подарки» номадам. Только Византия платила Атилле до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе (Прокоп. Кес. Война с персами. Кн. I. XII: 6, XV: 21–24. Кн. 2. X: 23; Война с вандалами. Кн. I. IV: 29; Тайн. ист. VIII: 5–6, XI: 5–10; Maenchen-Helfen 1973: 190–199, 270–274). Гунны Прикаспия практиковали ту же дистанционную модель в отношении соседей. Набеги, вымогание субсидий, раздача добычи воинам – вот ее основные составляющие (Гмыря 1995: 129–30).

Более поздние кочевые империи практиковали такой же набор стратегий эксплуатации оседлых аграрных обществ. В калейдоскопе набегов и войн, перечислений бесконечных посольств можно отыскать привычные механизмы международной политики номадов. Тюрки практиковали такую же дистанционную модель эксплуатации, что и хунну. Набеги они чередовали с мирными посольствами (см., например: Бичурин 1950: 268–9; Liu Mau-tsai 1958: 160, 214–215, 252 и др.). Уйгурский вариант поведения выглядит, например, несколько иначе. Но и он вписывается в генеральную модель. Доходы уйгуров складывались из следующих частей: 1) Согласно «договорам» с Китаем они получали ежегодные богатые «подарки». Помимо этого, богатые дары выпрашивались по каждому удобному поводу (поминки, коронация и

т. д.). 2) Китайцы также были вынуждены нести обременительные расходы по приему многочисленных уйгурских посольств. Однако китайцев больше раздражали не затраты продуктов и денег, а то, что номады ведут себя не как гости, а как завоеватели. Уйгуры устраивали пьяные драки и погромы в городах, хулиганили по дороге домой и воровали китайских женщин (Бичурин 1950: 327). Подобно уйгурам вели себя монголы в минское время (Покотилов 1893: 64–65, 88, 99, 100, 138). 3) Уйгуры также активно предлагали свои услуги китайским императорам для подавления сепаратистов внутри Китайского государства. Их помощь была очень специфической. Участвуя в военных компаниях на территории Китая в 750–770-х гг., они нередко забывали о своих союзнических обязательствах и просто грабили мирное население, угоняли его в плен. 4) В течение почти всего времени существования Уйгурского каганата номады обменивали свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Уйгуры хитрили и поставляли старых и слабых лошадей, но цену запрашивали за них очень высокую (Бичурин 1950: 323). От такой торговли китайцы терпели убытки, а прибыль получали одни номады. Фактически эта торговля, как и подарки, являлась платой номадам за мир на границе.

Таким образом, уйгуры почти не совершали набегов на Китай. Им достаточно было лишь продемонстрировать силу своего оружия. Только в 778 г. китайский император возмутился, так как лошади были особенно никудашными. От купил всего 6 тысяч из 10. Уйгуры сразу совершили разрушительный набег на приграничные провинции Китая, а потом стали ожидать императорского посольства. Посольство приехало очень скоро, и снова заработала привычная машина выкачивания ресурсов из аграрного китайского общества. Так продолжалось до полного уничтожения столицы уйгуров города Карабалгасуна кыргызами. После этого остатки уйгурских племен осели около Великой стены и, как бандиты, без перерыва грабили приграничные китайские территории. Когда терпение китайцев истощилось, были посланы войска для их уничтожения.

Думается, при внимательном чтении источников в той или иной степени аналогичные механизмы политического поведения можно было обнаружить и в более позднее время в отношениях между древнерусскими княжествами и половцами; Московской Русью и Золотой Ордой и татарскими ханствами более позднего времени и др. Так, например, вся история внешнеполитических отношений между Москвой и Крымским ханством, по сути, есть история постоянного рэкетирования своих соседей, вымогания у Москвы и Литвы богатых *поминков* (то есть «подарков») и иных льгот. Татары постоянно играли на «повышение курса», мотивируя это тем, что противоположная сторона дает больше. Свои неумные аппетиты ханы оправдывали тем, что,

если они не будут выпрашивать поминки и раздавать их своим мурзам, те будут им «сильно докучать».

«Крымский юрт стал, таким образом, гнездом хищников, которых нельзя было сдерживать никакими дипломатическими средствами. На упрек хану в нападении у него всегда был готовый ответ, что оно сделано без его разрешения, что ему людей своих не унять, что Москва сама виновата – не дает достаточно поминков князьям, мурзам и уланам» (Любавский 1996: 286–94).

Таким образом, вопреки широко распространенному среди исследователей мнению, кочевники Евразии вовсе не стремились к непосредственному завоеванию земледельческих территорий. Им это было совсем не нужно. Чтобы управлять аграрным обществом, кочевникам пришлось бы «слезть с коней». А так они вполне удовлетворялись доходами от неэквивалентной торговли с земледельцами и многочисленными «подарками» от правителей земледельческих государств. Вся внешнеэксплуататорская политика номадов была направлена на то, чтобы эксплуатировать соседей-земледельцев исключительно на расстоянии. И только в периоды кризисов и распада оседлых обществ экономической вакуум затягивал скотоводов вовнутрь аграрного общества.

Такая динамичная «биполярная» структура политических связей между земледельческими цивилизациями и окружающими их кочевниками (варвары и Рим, скифы и государства Причерноморья, номады Центральной Азии и Китая и т. д.) циклически повторялась в истории доиндустриального мира много раз (подробнее см.: Varfield 1992). В целом представляется весьма продуктивным рассматривать эти отношения в рамках миросистемного подхода Э. Валлерстайна как «центр» и «полупериферию». Проиллюстрируем это на примере отношений между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока. Хуннская держава (209 г. до н. э. – 48 г. н. э.) и династия Хань были здесь первыми биполярными элементами региональной системы. После хунну место степного лидера заняли сяньби (примерно 155–180 гг.), которые совершали грабительские набеги на Северный Китай несколько столетий. Но сяньбийцы не додумались до изощренного вымогательства и просто опустошали приграничные округа Китая. Поэтому конфедерация сяньби ненадолго пережила своего основателя Таньшихуая. Примерно в это же время в Хань произошло крупное восстание, которое явилось началом конца династии.

В следующие полтора столетия после гибели Ханьской империи народы Маньчжурии создали на границе с Китаем свои государства. Наиболее удачливым из них (мужунам, тоба) удалось подчинить земледельческие территории в Северном Китае. И только после этого кочевники в монгольских степях смогли воссоздать централизованное объединение – Жужаньский каганат (нач. V в. – 555 г.). Однако жужаням не удалось достичь полного контроля над степью, поскольку

бывшие скотоводы тобасцы держали огромные гарнизоны на северной границе и в отличие от оседлых китайцев совершали успешные карательные рейды в жужаньские тылы.

После разгрома жужаней тюрками и с образованием на юге династий Суй, а затем Тан восстановилась биполярная структура во Внутренней Азии. Начался новый цикл истории региона. Тюрки (552–630 и 683–734 гг.), а потом и уйгуры (745–840 гг.) продолжили хуннскую политику вымогательства на расстоянии. Они вынуждали Китай посылать богатые подарки, открывать на границах рынки и т. д. Важное место в экономике кочевников играл контроль над трансконтинентальной торговлей шелком. Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Византию и исламский мир. Однако, в отличие от Хуннской державы, Тюркский и Уйгурский каганаты были менее централизованными политиями.

Когда Уйгурский каганат был уничтожен кыргызами и чуть позже погибла империя Тан, народы Маньчжурии вновь получили шанс стать политическими лидерами в регионе. Это удалось киданям, которые создали империю Ляо (907–1125 гг.). Кидани подчинили несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Завоевав земледельцев, они создали двойную систему управления как китайцами, так и скотоводами. Полностью повторили киданьский пример чжурчжэни, которые, свергнув Ляо в начале XII в. и завоевав Северный Китай, создали империю Цзинь (1115–1234 гг.). Находясь в зените могущества, «маньчжурские» династии вели активную политику разъединения кочевников, руководствуясь старым добрым правилом международной политики: «разделяй и властвуй».

Создание империи Чингисхана и монгольские завоевания в XIII в. совпали с новым периодом влажности в степях Внутренней Азии и Восточной Европы (Иванов, Васильев 1995: 205, табл. 25), а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую мир-систему (Abu-Lughod 1989). В степи подобно фантастическим миражам возникли гигантские города – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Сарай-Бату, Сарай-Берке). С этого времени границы ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира.

Первая мир-система оказалась недолговечной. Чума, изгнание монголов из Китая, упадок Золотой Орды явились наиболее важными звеньями в цепи событий, приведших к ее гибели. Демографы фиксируют в период с 1350 по 1450 г. синхронный кризис во всех ее основ-

ных субцентрах (Biraben 1979). В начале XV века первая мир-система распалась. Даже отчаянные попытки Тамерлана восстановить сухопутную трансконтинентальную торговлю закончились в конечном счете неудачей. Мины вернулись к традиционной политике автаркизма и противостояния с кочевниками, что вызвало регенерацию старой политики дистанционной эксплуатации монголами Китая (Покотилов 1899). Лишь новое вторжение из Маньчжурии, после которого на территории Китая образовалась очередная иноземная завоевательная династия Цинь (1644–1911 гг.), разрушило биполярную картину мира.

СУПЕРСЛОЖНОЕ ВОЖДЕСТВО

Могли ли кочевники создавать собственную государственность? Как в антропологических теориях политической эволюции следует классифицировать кочевые империи? Могут ли они считаться государствами или это были предгосударственные политии? Эти вопросы до сих пор обсуждаются исследователями разных стран и особенно марксистскими антропологами (подробнее о данной дискуссии см.: Федоров-Давыдов 1973; Хазанов 1975; Марков 1976; 1998; Першиц 1976; Коган 1981; Халиль Исмаил 1983; Khazanov 1984; Попов 1986; Gellner 1988; Bonte 1990; Крадин 1992; Масанов 1995; Васютин 1998 и др.).

В настоящее время существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющих процесс происхождения и сущность раннего государства. *Конфликтные*, или *контрольные*, теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классово-войны и межэтнического доминирования. *Интегративные*, или *управленческие (функциональные)*, теории главным образом ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции (Fried 1967; Service 1975; Claessen and Skalnik 1978; 1981; Cohen and Service 1978; Haas 1982; Gailey and Patterson 1988; Павленко 1989 и др.).

Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. С другой стороны, все социальные противоречия между номадами разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад был одновременно и воином (Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

Необходимость в объединении и создании централизованной иерархии у кочевников возникает только в случае войн за источники существования, для организации грабежей соседей-земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации формирование сложной политической организации кочевников в форме «кочевых империй» есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как «класс-этнос» и специфическая «ксенократическая» (от греч. «ксено» – наружу и «кратос» – власть) политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом» (Крадин 1992; 1995а и др.). С этой точки зрения создание «кочевых империй» – это частный случай популярной в свое время «завоевательной» теории политогенеза (Л. Гумплович, Ф. Оппенгаймер), согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Тем не менее ни с точки зрения *конфликтного*, ни с точки зрения *интегративного* подходов большинство кочевых империй не может быть однозначно интерпретировано ни как вождество, ни как государство. Подобие степных империй государству ярко проявляется только в отношениях с внешним миром (военно-иерархическая структура кочевничества для изъятия престижных продуктов и товаров у соседей, а также для сдерживания внешнего давления; международный суверенитет, специфический церемониал во внешнеполитических отношениях).

В то же самое время во внутренних отношениях «государствоподобные» империи кочевников (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях, они существовали за счет внешних источников без установления налогообложения скотоводов. Наконец, в кочевых империях отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза, главным отличием договорных структур от государственности является то, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, то есть, по сути, авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (Service 1975: 16, 296–307; Claessen and Skalnik 1978: 21–22, 630, 639–40 и др.). Характер власти правителей степных империй более консенсуальный, лишенный монополии на легитимный аппарат принуждения. Шаньюй, хан или каган есть, главным образом, редистрибутор, его мощь держится на личных способностях и умении получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными.

Для таких обществ, более многочисленных и структурно развитых, чем *сложные вождества*, но в то же самое время не являющихся госу-

дарствами (даже «зачаточными» *ранними государствами*), был предложен термин «*суперсложное вождество*» (Крадин 1992: 152). Этот термин был принят коллегами-кочевниковедами (Трепавлов 1995: 150; Скрынникова 1997: 49), хотя первоначально четких логических критериев, отделяющих суперсложное вождество от сложного вождества и от раннего государства, предложено не было.

Принципиальное структурное отличие между сложным и суперсложным вождествами было зафиксировано Р. Карнейро в специальной статье (Carneiro 1992; см. также его главу в данной монографии). Карнейро, правда, предпочитает называть их соответственно «компаундным» и «консолидированным» вождествами. По его мнению, отличие простых вождеств от компаундных – чисто количественного характера. Компаундные вождества состоят из нескольких простых, над субвождями дистриктов (то есть простых вождеств) находится верховный вождь, правитель всей политики. Однако Р. Карнейро заметил, что компаундные вождества при объединении в более крупные политики редко оказываются способными преодолеть сепаратизм субвождей, и такие структуры быстро распадаются. Механизм борьбы со структурным расколом был прослежен им на примере одного из крупных индейских вождеств, существовавших в XVII в. на территории нынешнего американского штата Вирджиния. Верховный вождь этой политики (*пахэтан*), чтобы справиться с центробежными устремлениями вождей ее сегментов, стал замещать их своими сторонниками, которые обычно являлись его близкими родственниками. Это придало важный структурный импульс последующей политической интеграции.

Схожие структурные принципы были выявлены Т. Барфилдом в истории хунну (Barfield 1981: 49; 1992: 38–9). Хуннская держава состояла из мультиэтничного конгломерата вождеств и племен, включенных в состав «имперской конфедерации». Племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их власть в известной степени была автономной от политики центра, основывалась на поддержке со стороны соплеменников. В отношениях с племенами, входившими в имперскую конфедерацию, хуннский шаньюй опирался на поддержку своих ближайших родственников и соратников, носивших титулы «десятитысячников». Они были поставлены во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс. воинов. Эти лица должны были являться опорой центральной власти на местах.

Точно так же были организованы другие кочевые империи Евразии. Система улусов, которую часто называют кельтским термином *танистри* (Fletcher 1986), существовала во всех мультиполитиях кочевников евразийских степей: у усуней (Бичурин 1950б: 191), у европейских гуннов (Хазанов 1975: 190, 197), в Тюркском (Бичурин 1950а:

270) и Уйгурском (Barfield 1992: 155) каганатах, в Монгольской империи (Владимирцов 1934: 98–110).

Кроме этого, во многих кочевых империях были специальные функционеры более низкого ранга, занимавшиеся поддержкой центральной власти в племенах. В империи Хунну такие лица назывались *зудухоу* (Pritsak 1954: 196–199; Крадин 1996: 77, 114–117). В Тюркском каганате существовали функционеры, посылаемые для контроля над племенными вождями (Бичурин 1950а: 283). Тюрки также посылали своих наместников *тутуков* для контроля над зависимыми народами (Бичурин 1950б: 77; Таскин 1984: 136, 156). Чингисхан после реформ 1206 г. приставил к своим родственникам для контроля специальных нойонов (Козин 1990: § 243).

Кочевые империи как суперсложное вождество – это уже реальная модель, прообраз раннего государства. Если численность сложных вождеств измеряется, как правило, десятками тысяч человек (см., например: Johnson, Earle 1987: 314), и они, как правило, этнически гомогенны, то численность полиэтничного населения суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (кочевые империи Внутренней Азии состояли из 1–1,5 млн пасторальных номадов), их территория (кочевникам нужно много земли для пастбищ!) была в несколько порядков раз больше площади, необходимой для простых и сложных вождеств.

С точки зрения соседних земледельческих цивилизаций (развитых доиндустриальных государств) такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений, нередко рассматриваемые как равные по статусу политии (китайцы называли их *го*). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами, соседними кочевыми империями и «квазиимперскими» политиями номадов. Для них характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали воздвигать городища, а «ставки» империй уйгуров и монголов представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты (Пазырыкские курганы на Алтае, скифские курганы в Причерноморье, хуннские захоронения в Ноин-Уле, курганы сакского времени в Казахстане, изваяния, поставленные тюркским и уйгурским каганам в Монголии и пр.). В части суперсложных вождествах кочевников элита пыталась вводить зачатки делопроизводства (хунну), в других – существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки).

УПАДОК И ГИБЕЛЬ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

Исследователями неоднократно выделялось много причин, которые приводили к кризису и распаду империй номадов. Среди них:

1) природные явления (усыхание степи, кратковременные климатические стрессы и эпидемии); 2) внешнеполитические факторы (нашествия врагов, затяжные войны, прекращение внешних поступлений, кризисы соседних земледельческих цивилизаций); 3) внутренние причины (демографический взрыв, потеря внутреннего единства и сепаратизм, гигантские размеры и слабость административной инфраструктуры, классовая борьба, усобицы ханов и гражданская война, бездарные политические правители) (см., например: Плетнева 1982: 127–44).

Современные данные не подтверждают значения некоторых из этих факторов. Как уже отмечалось выше, палеогеографические данные последнего десятилетия свидетельствуют об отсутствии прямой связи глобальных циклов усыхания/увлажнения степи с периодами гибели/подъема степных империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников, поскольку таковой у кочевников не наблюдалось (Толыбеков 1971; Марков 1976; 1998; Khazanov 1984–1994; Крадин 1992 и др.). Однако большинство вышеперечисленных причин оказало реальное воздействие на судьбы тех или иных степных держав. Правда, сравнительно-исторический анализ показывает, что нередко влияние на гибель кочевых империй оказывало не одно, а сразу несколько обстоятельств. Беда, как правило, не приходит одна. Внутренние усобицы могли сопровождаться как локальными экологическими катастрофами (хунну, уйгуры), так и нашествиями врагов (жужани, уйгуры).

В то же время имелись причины, которые потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй: 1) внешние источники поступления прибавочного продукта, которые объединяли экономически независимые племена в единую имперскую конфедерацию; 2) мобильность и вооруженность кочевников, вынуждавшая верховную власть империй балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами; 3) специфическая «удельно-лестничная» система наследования власти, согласно которой каждый из представителей правящего династического рода, рожденный одной из главных жен хана, имел право в соответствии с очередью по возрасту на повышение административного статуса, и в том числе на занятие престола; 4) полигамия в среде высшей элиты кочевников (у Чингисхана, например, было около 500 жен и наложниц и множество сыновей от них; у Джучи 114 сыновей, у Хубилая около 50 сыновей и т. д.; один из чингизидов за то, что он имел более ста сыновей, имел шутовское прозвище «сотник»). Даже если теоретически допустить, что «среднестатистический» хан имел, допустим, пять сыновей от главных жен, то при таких же темпах рождаемости он должен был иметь не менее 25 внуков и 125 правнуков. В такой прогрессии уже через 60–70 лет конкуренция за наследство, как правило, должна была привести к кровавым усобицам и, в итоге, к гражданской войне, заканчивающейся резней большей части конкурентов или к распаду улуса.

Проиллюстрируем данный тезис на примере истории кочевой империи Хунну. Как оказалось, перепроизводство элиты в хуннском обществе тесно связано с периодами введения новых пышных титулов, дававшихся тем «королевским» родственникам, которые были лишены возможности занимать те или иные традиционные должности в военно-административной иерархии степной державы. Выделяются несколько периодов наиболее активного введения новых титулов (Крадин 1996: 125–32). Первый приходится примерно на 100–50 гг. до н. э. В этот промежуток времени возник переизбыток представителей хуннской элиты. Так как все члены знатных кланов не могли быть обеспечены соответствующим их происхождению местом в общественной иерархии, между ними неизбежно возникала острая конкуренция за обладание тем или иным высоким статусом и соответствующими ему материальными благами. Это привело в конечном счете к временному распаду Хуннской державы на несколько враждующих между собой объединений и к гражданской войне 58–36 гг. до н. э.

Второй период массового введения новых титулов и должностей начинается с последней трети I в. до н. э. Новый рост представителей высшей элиты кочевников вызвал ужесточение конкуренции за ограниченные ресурсы и привел к распаду Хуннской степной империи в 48 г. н. э. на Северную и Южную конфедерации. Третье и последнее масштабное появление новых титулов относится уже к постимперскому времени. Оно связано с новым переделом власти в хуннских объединениях.

Подобную закономерность можно проследить и в других кочевых империях. В результате судьба степной державы часто зависела от того, насколько ее правитель был способен решить все перечисленные выше проблемы, направить энергию своих многочисленных родственников и соратников вовне собственного социума. Если это не удавалось, империя номадов, как писал Ибн-Хальдун, редко переживала три-четыре поколения и оставалась обреченной на забвение «подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

ПРИМЕЧАНИЕ

* Работа выполнена при поддержке Фонда Сороса № Н2В741.

** Текст печатается по изданию: Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. «Альтернативные пути к цивилизации». М.: Логос. С. 314–336.

ЛИТЕРАТУРА

Бичурин, Н. Я. 1950а, б [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I–II. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

Васютин, С. А. 1998. *Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии*. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул.

Владимирцов, Б. Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР.

Гмыря, Л. Б. 1995. *Страна гуннов у Каспийских ворот*. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во.

Голден, П. Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. В: Иванов, Н. А. (отв. ред.), *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти* (с. 211–223). М.

Грум-Гржимайло, Г. Е. 1926. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.

Гумилев, Л. Н. 1989. *Этногенез и биосфера земли*. Л.: Изд-во ЛГУ.

1993. *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: Экспрос.

Динесман, Л. Г., Киселева, Н. К., Князев, А. В. 1989. *История степных экосистем Монгольской Народной Республики*. М.: Наука.

Иванов, И. В., Васильев, И. Б. 1995. *Человек, природа и почвы Рыпинского Волго-Уральского междуречья в голоцене*. М.: Интеллект.

Коган, Л. С. 1981. *Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана)*: Автореф. дис. ...канд. экон. наук. М.

Козин, С. А. 1990 (перев.). *Сокровенное сказание монголов*. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во.

Крадин, Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

1995а. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. *Цивилизации* (с. 164–179). Вып. 3. М.

1995б. Трансформация политической системы от вожества к государству: монгольский пример, 1180(?)–1206. В: Крадин, Н. Н., и Лынша, В. А. (отв. ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (с. 188–198). Владивосток.

1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.

Кычанов, Е. И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Вост. лит-ра.

Любавский, М. К. 1996. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М.: Изд-во МГУ.

Марков, Г. Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ.

1998. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории. *Восток* 6: 110–123.

Масанов, Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества)*. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт.

Павленко, Ю. В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова думка.

Першиц, А. И. 1976. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. В: Першиц, А. И. (отв. ред.), *Становление классов и государства* (с. 280–313). М.

Плано Карпини, Дж. 1957. История Монгалов. В: Шастина, Н. П. (отв. ред.), *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (с. 23–83). М.

- Плетнева, С. А.** 1982. *Кочевники средневековья*. М.: Наука.
- Покотиллов, Д. И.** 1893. *История Восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам)*. СПб.
- Попов, А. В.** 1986. Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников. *Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова 1884–1931* (с. 183–193). М.
- Прокопий Кесарийский.** 1993. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. М.: Наука.
- Рашид ад-Дин.** 1946. *Сборник летописей*. Т. III. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1952а, б. *Сборник летописей*. Т. I, кн. 1–2. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. М. – Л.: Изд-во АН СССР.
- Рубрук, Г.** 1957. Путешествие в восточные страны. В: Шастина, Н. П. (отв. ред.), *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (с. 85–194), М.
- Скрынникова, Т. Д.** 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Вост. лит-ра.
- Страбон.** 1994. *География*. М.: Ладомир.
- Таскин, В. С.** 1984 (перев.). *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., перевод и коммент. В. С. Таскина*. М.: Наука.
- Толыбеков, С. Е.** 1971. *Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ*. Алма-Ата: Наука.
- Трепавлов, В. В.** 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно В: Крадин, Н. Н., и Лынша, В. А. (отв. ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (с. 199–208). Владивосток:.
- Фурсов, А. И.** 1988. Нашествия кочевников и проблема отставания Востока. *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке*. Т. 1.: 182–185. М.
- Фурсов, А. И.** 1995. Восток, Запад, капитализм. В: Растянников, В. Г. (отв. ред.), *Капитализм на Востоке во второй половине XX века* (с. 16–133). М.
- Хазанов, А. М.** 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Халиль Исмаил.** 1983. *Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80 гг.*: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.
- Ясперс, К.** 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.
- Abu-Lughod, J.** 1989. *Before European hegemony: The World-System A. D. 1250–1350*. New York.
- Vacon, E.** 1958. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York.
- Barfield, T.** 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 41 (1): 45–61.
1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Biraben, J.-N.** 1979. Essai sur l'évolution du nombre des hommes. *Population* 34 (1): 13–24.
- Bonte, P.** 1990. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies. In Salzman, C., and Galaty, J. G. (ed.), *World Nomads in a Changing* (pp. 49–101). Naples.

Carneiro, R. 1992. The Calusa and the Powhatan, Native Chiefdoms of North America. *Reviews in Anthropology* 21: 27–38.

Cohen, R., and Service, E. 1978 (eds.). *The Origin of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.

Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton. 1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague etc.: Brill

Eisenstadt, S. 1963. *The Political Systems of Empires*. N. Y.

Fletcher, J. 1986. The Mongols: ecological and social perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46 (1): 11–50.

Fried, M. 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. N. Y.: Columbia University press.

Gailey, C., and Patterson, T. 1988 (eds.). *Power Relations and State Formation*. Washington: D. C.

Gellner, E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Oxford University press.

Grousset, R. *L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Paris.

Haas, J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. N. Y.: Columbia University press.

Irons, W. 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society*. Cambridge: Cambridge University press.

Johnson, A. W., and Earle, T. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University press.

Khazanov, A. M. 1981. The early state among the Eurasian nomads. In Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (ed.), *The Study of the State* (pp. 156–173) The Hague etc.

1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University press.

1994. *Nomads and the Outside World*. 2nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Krader, L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.

Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London.

Maenchen-Helfen, O. 1973. *The World of the Huns*. Los Angeles and London.

Pritsak, O. 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche. *Oriens Extremus* 1: 178–202.

Service, E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. N. Y.: Norton.

Thapar, R. 1981. The State as Empire. In Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (ed.), *The Study of the State* (pp. 409–426). The Hague.

Toynbee, A. 1934. *A Study of History*. Vol. III. London: Oxford University Press.